

Ленинградцы

Нева бежала, играя и толкая бетонные плиты, норовя выпрыгнуть на гранитную набережную. Мелодичный плеск воды одновременно успокаивал и тревожил. На ступеньках, ведущих к воде, одиноко сидел старик. Его серый старый, но бережно хранимый пиджак лежал рядом, аккуратно свёрнутый. На нем поблескивали медали. Морщинистой рукой пожилой человек, не глядя, поглаживал одну из них - «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг». Другую руку прижал к лицу, тоже покрытому глубокими морщинами. Выцветшие, некогда голубые глаза с тоской смотрели на обгоняющие друг друга волны Невы. Губы шептали что-то неразборчивое – не то молитву, не то песню. Темные воды реки бились о ступеньки, обдавая старика ледяными брызгами, но он, казалось, этого не замечал. Из репродуктора звучала музыка, город оделся в праздничный наряд. Однако здесь, внизу, всё заглушал мерный звук речного прибоя.

Война пришла внезапно.

Теплое июньское утро купало городские улицы в солнечных лучах. Мама суетливо собирала вещи для поездки на дачу. Рядом скакала голубоглазая девочка, держа в руках белые банты.

– Хочу эти! Хочу эти! – приговаривала малышка, протягивая к матери тоненькие ручки.

– Хорошо-хорошо! Дай мне собраться, – отвечала мать.

– Хочу сейчас, – не унималась девчонка.

– Вася, завяжи сестре ленты. Я не успеваю, скоро папа подьедет, – попросила мама сына.

– Ну, вот. Такая большая, а ленточки завязывать не умеешь, – пробурчал мальчик и нехотя стал завязывать банты сестренке.

– А вот и не большая, мне всего пять лет, – с укором сказала девочка.

– Нет, большая! Большая! – заспорил Вася.

– Мама, скажи ему, – захныкала сестра.

– Вася, не обижай Марусю! Ты уже взрослый и должен защищать сестру, а не доводить её до слез, – строго сказала мать.

В это время распахнулась дверь и в комнату вошёл взволнованный отец. Женщина взглянула на него с вопросом.

– Война! Война началась, – сглотнув, с волнением прошептал мужчина.

– Как? – мать с испугом посмотрела на отца, а потом перевела взгляд на детей. Она без сил опустилась на стул и прикрыла рот синим платком, сдерживая рыдания.

– Война! Война! – вновь запрыгала Маруся.

– Тихо ты! – прикрикнул на сестру Вася.

На этот раз девочка не стала капризничать. Она не знала, что такое «война», но по реакции взрослых поняла – случилось что-то страшное.

Через несколько дней мама опять суетливо собирала вещи. Но теперь уже отцу. Слезы душили её. Мама старалась держаться как могла. Чтобы не заплакать и не напугать детей, женщина называла каждую вещь, которую опускала в рюкзак. Отец, сидя на стуле, курил, молча наблюдая за ней.

– Всё! Хватит. Нам там всё выдадут. Глядишь, скоро война закончится и мне ничего не понадобится, – стараясь успокоить жену, проговорил мужчина.

Отец поднялся, обнял и поцеловал на прощание мать и Марусю.

– Ну, брат, береги маму и сестрёнку, – пожав руку сыну, проговорил мужчина.

– Хорошо, папа! – еле сдерживая слёзы, ответил Вася.

Отец резко повернулся и вышел, не оглядываясь. Его фигура растаяла в темноте подъезда. Это были последние воспоминания Васи о нём.

Первая зима в блокадном Ленинграде была самой длинной и тяжелой. Суровые морозы сковали реку, а вместе с ней, казалось, и жизнь города. Большинство фабрик и заводов остановились. Отопление, водопровод и канализация не работали. За водой нужно было идти по глубокому снегу к Неве.

В один из таких дней Вася, с трудом пробираясь сквозь заносы, шёл к проруби. Мама уже не вставала. Еще недавно она ходила на работу. Когда отец ушёл на фронт, она устроилась на почту. Почтальоны были приравнены к рабочим и им выдавали рабочие карточки. Карточка в эти годы была главным документом Ленинграда. На неё можно было купить продукты. Маме как рабочему было положено 250 грамм хлеба в сутки, а Васе с Марусей по 125. Кроме хлеба почти ничего больше не было. В декабре нормы повысили, но этого все равно было мало. Мама обменяла всё ценное на продукты. Но семья голодала. Сварили все кожаные ремни отца, вылизали все старые сковородки, на которых

остался запёкшийся жир. Больше нечего было есть. Маруся все время хныкала. Сначала это ужасно раздражало, а потом все привыкли и перестали обращать внимание.

Неделю назад мать слегла. Её бледное исхудавшее лицо вытянулось, под глазами появились огромные синяки. Она почти не поднимала век и не разговаривала с детьми. Заглянувшая соседка, тётя Люба, сказала, что мама не жилец.

Вася с трудом передвигал ноги, таща за собой санки с ведром. Вдруг дали тревогу. В небе появились юнкерсы, раздались взрывы. Кто-то подхватил мальчика и принёс его в бомбоубежище.

– Ведро, санки! – почти кричал Вася.

– Да вот они, – ответил мужской голос и поставил рядом старые Марусины санки и помятое ведро.

Мальчик успокоился и, закрыв глаза, облокотился на серую холодную стену.

В первый раз Ленинград бомбили 8 сентября 1941 года. Никто не мог и представить себе, что война придет в город. Мама была дома, а дети гуляли на улице. Раздался вой сирены. Люди, не знавшие бомбёжек, не сразу поняли, что происходит. Кто-то остался на месте и в недоумении смотрел по сторонам, кто-то побежал в подъезд. И только участковый – дядя Гриша – не растерялся и начал отправлять всех в бомбоубежище. Вася стоял посреди улицы и с любопытством смотрел в небо, Маруся играла в песке. Из подъезда выскочила встревоженная мать схватила дочь на руки и дернув сына за рукав, побежала вслед за другими жильцами дома в безопасное место. Кругом гремели оглушительные взрывы. Бомбы пока падали далеко, но их сила была такова, что в доме, где жил, Вася, повывлетали стекла. Звуки разрывающихся снарядов усилились. Стало понятно, что бомбят уже рядом. Наконец всё стихло. Скоро дали отбой тревоги. Люди начали выходить из подвала. Перед ними предстала ужасная картина: осколки стекла покрывали площадку перед подъездом, вдалеке звучали пожарные сирены, в соседнем дворе лежали руины дома, полыхал огонь. С тех пор обстрелы артиллерией и налеты бомбардировщиков стали регулярными. А сил становилось всё меньше и меньше. Спускаться в бомбоубежище было всё труднее.

– Вася? Ты что ли? – вывел из воспоминаний чей-то голос.

Вася открыл глаза. Перед ним стоял худющий мальчишка с огромными чёрными глазами. Одет он был в старое пальто, которое было ему настолько велико, что, наверное, он мог бы обернуться им два раза. На голове – ушанка, а вокруг шеи – красный вязаный шарф. Приглядевшись, Вася узнал мальчика. Это был Жорка Дружинин. Когда-то, в другой жизни, до войны они ходили вместе в музыкальную школу на вокал. Там и подружились. Жорка – весёлый, неунывающий парень. Был мечтателем и любил

приключения. Из-за этого часто попадал в разные неприятные ситуации, вовлекая в них и Васю. Мама ругала сына и не разрешала дружить с Жорой, но мальчиков тянуло, как магнитом, друг к другу. На летние каникулы Вася с родителями и сестрой должен был уехать на дачу. Жорка тоже хотел отправиться в деревню к бабушке. Но война все изменила.

– Жорка! – обрадовался Вася.

– Ты как, друг? Я думал, вы уехали на дачу. Я не доехал, вернулся домой, – тараторил Георгий.

– А мы и собраться не успели, – попытался вставить Вася.

– А я на завод токарем устроился. Мне хлебные карточки как взрослому дают, – не слушая друга, продолжал Жора.

Вася не обиделся, ему было приятно вновь слышать болтовню друга. Мальчик рассказывал, как попал под обстрел, как добирался до города, как вернулся домой, а мать эвакуировали. Вася слушал и улыбался. Жора говорил так, будто рассказывал приключенческую историю, прочитанную недавно в интересной книге. Сразу стало как-то теплее. Даже о том, что ужасно хочется есть, на время забылось.

Прозвучал отбой тревоги, и люди стали пробираться к выходу. Жорка помог подняться худющей старушке, а потом Васе. У выхода ребята попрощались.

– Вася, ты там же живёшь? – спросил Жора.

– Да, квартира 37, – ответил мальчик.

– Я к тебе забегу на днях, – помахав на прощанье, сказал Жорка и пошёл вдоль полуразрушенного дома в другую сторону. Вася постоял ещё немного и поплелся к реке за водой.

Санки были очень тяжёлые, ноги не хотели слушаться, но нужно было идти. Останавливаться нельзя. Смерть поджидала на каждом шагу. А дома ждали Маруся и мама. Добраться до подъезда было ещё полбеды. Самое трудное – подняться на третий этаж с полным ведром воды. Ступенька за ступенькой, шаг за шагом продвигался мальчик к квартире. Наконец-то нужный этаж. Из-за деревянной двери был слышен тихий плач. Шагнув в темноту коридора, Вася понял: что-то произошло. На диване в неестественной позе лежала мама. Маруся сидела на полу возле и плакала, прижавшись к холодной бледной материнской руке.

– Мама, – позвал с надеждой мальчик. В ответ прозвучала звенящая тишина.

– Маруся, посиди тут. Я быстро. Дядю Гришу приведу, – сказал он сестре и резко повернулся к выходу. Закружилась голова, Вася чуть не упал. Переждав подступившую дурноту, он, как мог, быстро зашагал вниз, где у подъезда стояла телефонная будка.

Через несколько часов в квартиру вошел высокий человек в форме. Наклонившись к мёртвому телу, внимательно осмотрел усопшую. Потом присел на стул возле окна и начал заполнять какие-то бумаги.

– Мертвецов боитесь? – спросил дядя Гриша.

– Нет, – ответил Вася.

– Тогда пусть пока полежит в квартире. Будете на неё получать карточки. Всё помощь, – сказал участковый, вздохнул и ушёл.

Еще месяц ребята жили за счет матери. Но дольше скрывать её смерть не получилось, и вскоре к детям вновь пришел участковый. Он помог спустить мать вниз и привязать к санкам. Вася с Марусей отвезли ее к воротам Смоленского кладбища. Там и оставили.

Участковый вновь заглянул к ребятам, принёс хлеба и воды. Дети были рады снова видеть доброго дядю.

– Вася, я договорился с заведующей детским садом. Марусю возьмут. Там хоть получше кормить будут. А ты попробуй устроиться на работу, – сказал Григорий Иванович.

Он еще посидел некоторое время, а потом вздохнул, положил документы для детского сада на подоконник и, тяжело ступая, вышел из квартиры. Вскоре он погиб под бомбёжкой, спасая других детей.

Ночью Васе не спалось. Он всё думал о том, как бы всё сложилось, если бы не война.

– Мы бы поехали на дачу. Там яблони, вишни, крыжовник. Ах, какое мама варила варенье из крыжовника. Кажется, «Царское» называлось, – размышлял вслух мальчик.

– Ага, вкусно было. Я бы сейчас съела ложечку. Хоть малюсенькую, – раздался голос Маруси.

– Ты чего не спишь? Спи! Завтра в сад пойдёшь, – сердито произнёс Вася.

– А как же ты? – с беспокойством в голосе спросила сестра.

– А я работать пойду. Спи, Маруся. Завтра поговорим, – ответил Вася.

Вскоре дети заснули. Мальчику снилась мама. Она рвала румяные яблоки, складывала их в большую плетёную корзину и улыбалась.

– Мама, мамочка! – позвал Вася и проснулся. Виденье растворилось в сумраке ночи. Мальчик сел на кровать и тихо заплакал.

Утром дети отправились в детский сад. Им открыла женщина в ватнике поверх белого халата. Вася сунул ей документы и подтолкнул вперед сестру. Маруся захныкала.

– Взрослая уже, – недовольно буркнула женщина. Взяв девочку за руку, завела внутрь помещения.

Вася еще потоптался у дверей, а потом отправился на поиски работы. Походив бесцельно по городу, он вспомнил про Жорку. Вася отправился на 17 линию Васильевского острова. Там находился машиностроительный завод имени Котлякова, где и работал Жора.

Через некоторое время мальчик увидел унылое старое здание. Когда-то завод выпускал эскалаторы. В начале войны его пытались эвакуировать, но немцы наступали слишком быстро. Пришлось часть оборудования вернуть и запустить линию оборонки. У ворот стоял вооруженный охранник.

– Мне бы на работу устроиться, – робко попросил Вася.

Красноармеец строго взглянул на мальчика и указал на железную дверь в соседней пристройке. Вася поплелся туда. С трудом открыв тяжёлую дверь, он вошел в длинный коридор.

– Тебе чего, мальчик? – спросила вахтерша.

– Я на работу устраиваться, – ответил Вася.

Вахтерша взглянула на ребёнка с недоверием и, укоризненно покачав головой, тяжело вздохнула.

– Документы какие есть? – поинтересовалась женщина.

– Вот, – протянул Вася закрученные в газету метрику и что-то еще.

Вахтерша записала в журнал данные и отправила мальчика в 29 кабинет к Афанасию Ивановичу. Вася вошёл в приоткрытую дверь и на него пахнуло теплом и ещё чем-то очень знакомым. Он старался вспомнить, что же это, но память отказывалась помогать. За столом сидел дядька в сером военном ватнике. Но голове у него была ушанка со звездой. Он периодически кашлял, прикрывая кулаком седые усы.

– Тебе чего? – раздраженно спросил дядька.

– Мне бы на работу устроиться, – нерешительно ответил Вася.

– На работу? – ухмыльнувшись, переспросил Афанасий Иванович.

– Да, – так же нерешительно ответил мальчик.

– Ишь ты какой! А звать-то тебя как, доходяга? – спросил дядька.

– Вася.

– Вася? Эх, ты, Вася! Нужно полностью назвать фамилию, имя и отчество, – укоризненно ответил Афанасий Иванович.

– Василий Семенович Кеженев, – с обидой в голосе, но уже более твёрдо произнёс мальчик.

Дядька еще поспрашивал Васю, а потом протянул бумагу.

– Пиши заявление. Там видно будет, – уже веселее сказал Афанасий Иванович.

Мальчик взял карандаш и начал писать. Вдруг в глазах всё потемнело, и он повалился со стула. Когда Вася пришёл в себя на него смотрели испуганные глаза вахтёрши.

– Помоги его усадить на диван, – раздался басовитый голос Афанасия Ивановича.

Вдвоем они приподняли ребёнка и усадили на мягкое. Дядька засуетился у стола. Затем поднёс к губам Васи горячий вкусно пахнущий напиток.

– На вот, чайку отведай. Сын вчера на побывку приходил. Угостил старика чаем. Настоящим! – похвастался Афанасий Иванович.

Так вот что так знакомо пахло! Вася и забыл, как пахнет настоящий чай. Мальчик отпивал по глоточку обжигающего напитка и плакал от счастья. Посидев немного и дописав заявление, Вася засобирился домой. Дядька встал, чтобы проводить, и только тут мальчик увидел, что у Афанасия нет руки.

– В первом же бою оторвало. Вот теперь здесь воюю, с бабами да с дитями-доходягами, – заметив, как мальчик смотрит на него, сказал дядька.

Вася вышел на улицу. Остановился и вдохнул морозный воздух.

– Васька! – услышал мальчик с другой стороны дороги.

– Жорка! – Василий кинулся к другу.

Они обнялись и пошли вдоль завода.

– Ты чего не заходил? Обещал ведь! – упрекнул друга Вася.

– Работы много. Мы здесь по 12 часов пашем, – оправдывался Жора.

– А я тоже заявление написал, – с гордостью сообщил Василий.

– Особо не радуйся. Тебя еще проверять будут. Сам знаешь, что тут делаем, – сказал Жора.

Так они не спеша шли по дороге, рассказывая о том, что с ними происходило в это время.

– Знаешь, что? А давай перебирайся к нам. От нашего дома к заводу, – предложил Вася.

Через несколько дней Жорка явился с чемоданом, в кожаном плаще и шляпе. Вася увидел его и рассмеялся.

– Ну ты и франт! – хохоча, сказал мальчик.

Жора принёс хлеб и малюсенький кусочек сахара. У ребят был праздник. Маруся вскипятила воду, накрыла скатертью стол и поставила чашки. Жора аккуратно разрезал хлеб на три части. Съев хлеб, ребята по очереди лизали кусочек сахара и запивали кипятком.

– Всё, хватит. Остальное на завтра, – деловито сказала Маруся и убрала оставшийся кусочек.

Вскоре Васю пригласили на работу. Жить стало немного легче. Рабочим выдавали больше хлеба. Марусю кормили в детском саду. Еда была плохая, но всё-таки еда. Жора иногда приносил, картошку. На вопрос о том, где взял, мальчик отвечал уклончиво. Да и какая разница, главное, была хоть какая-то еда.

Шли дни. Немцы продолжали пытаться безуспешно взять Ленинград. А город, несмотря на потери, продолжал жить и помогать фронту.

Как-то раз ребята возвращались с ночной смены. Поднявшись на свой этаж, они обнаружили открытую дверь. Вбежав в квартиру, мальчики увидели, что внутри всё перевёрнуто и Маруся пропала. Ребята стояли посреди комнаты и растерянно смотрели на бардак.

– Что здесь произошло? – услышали они позади, Вася обернулся, и увидел, что это пришла сестра.

– Маруся! – кинулся к ней Вася и с силой прижал к себе.

– Вы что за погром устроили? – отталкивая брата, строгоспросила девочка.

– Да это не мы. Мы вообще думали, что тебя украли, – пробормотал Вася.

– Карточек нет, – замерев возле ящика стола, где они хранились, почти со слезами, сказал Жорка.

– Как так нет? А это что? – доставая из-за пазухи драгоценные бумажки, весело прощebetала Маруся.

Оказалось, что Маруся пошла за водой и решила, что лучше взять хлебные карточки с собой. Поэтому, завернув их в старый носовой платок, положила во внутренний карман пальто. Этот карман с пуговицей пришила когда-то мама, чтобы Маруся не теряла деньги, когда шла в магазин.

Ребята так и не узнали, кто ворвался к ним и хотел украсть карточки. Вскоре неприятное происшествие было забыто. Пришла следующая зима и новый год. Мальчики решили сделать Марусе подарок и нарядить ёлку. Настоящую они достать не смогли, потому соорудили ее из старого торшера, накинув на него зеленое покрывало. Вася вспомнил, что на антресолях над входом мама хранила ёлочные украшения. С трудом дотянувшись, он вытащил старый ящик. Дети доставали игрушки и вешали их на «ёлку». Маруся хлопала в ладоши и напевала какую-то мелодию. На дне ящика лежала жестяная коробка. Вася осторожно достал её, внутри что-то перекатывалось. Открыв её, ребята обнаружили богатство. Внутри лежали старые высохшие конфеты.

– Настоящий Новый год! – воскликнула Маруся.

Дети решили поделить конфеты поровну. Но их оказалось на две больше. Жора подумал и протянул их Марусе.

– А как же вы? – удивленно спросила она.

– Мы уже взрослые. Можем вообще без конфет обойтись, – деловито ответил Жорка.

– Я тоже взрослая, – возразила Маруся.

– Ты девочка, тебе больше надо, – отрезал Жора и встал, давая понять, что разговор окончен.

Приближалась весна, и с фронта приходили хорошие новости. Все ждали, когда же прогонят проклятых немцев. В городе всё ещё царил голод. Люди умирали каждый день. Но надежда жила в сердце каждого. Все верили в победу и не желали сдаваться врагу.

Дни тянулась однообразно. Работа – дом, дом - работа. Иногда ребята оставались ночевать на заводе, потому что с утра нужно было снова вставать за токарный станок. Смены длились по 12-14 часов. Поблажек не было никому. Да никто и не отлынивал от работы. Все осознавали важность дела.

В подъезде этажом ниже жила тётя Люба. Ребята до войны очень боялись её. Тётка она была скандальная, вечно всем недовольная. Любка, как звали её во дворе, постоянно с кем-то ругалась. То громко топают по подъезду, то шумят во дворе, то еще что-нибудь. Никто не любил ее и обходили стороной. Эвакуироваться Любка не успела, а может, и не смогла. Поэтому осталась в Ленинграде.

Как-то раз мальчики возвращались домой с ночной смены. Поднявшись на второй этаж, они обнаружили открытую дверь в квартиру тети Любы.

– Что там такое? Давай посмотрим, – предложил Жорка.

– Ты что забыл? Она же сумасшедшая, – возразил Вася.

Но Жора уже был внутри. Пройдя длинный коридор, ребята оказались в полутемной комнате. На кровати лежала, стоная, Любка, а в ногах у неё сидела огромная крыса и, сверкая глазами, грызла пальцы женщины. В блокадном Ленинграде поели всех кошек и собак. Поэтому крысы и мыши сильно расплодились. Бывало и такое, что они нападали на обессиленных людей.

Жорка схватил сапог, стоявший в углу, и швырнул в зверюгу. Та, пискнув, скрылась в темноте угла.

– Беги, вызывай неотложку, – скомандовал Жорка.

Вася нехотя поплелся вниз. Он нашёл дворника Светлану и попросил помочь. Света вызвала скорую. Санитары вынесли Любку на улицу и погрузили на тележку. Пока грузили, с ног слетело одеяло, которым была прикрыта женщина, и Вася увидел

обглоданные добела костяшки пальцев. Эту картину он запомнил на всю жизнь и потом еще долго боялся крыс.

Вскоре Марусю с другими детьми эвакуировали в Ивановскую область. Вася очень боялся, что сестрёнка потеряется. Жора взял лист бумаги и написал адрес и имена всех троих. Этот листочек он вручил девочке и велел беречь. Вася достал свёрток с фотографиями родителей и тоже отдал сестре. Маруся плакала и не хотела уезжать.

– Не реви, ты уже взрослая и должна всё понимать, – отрезал Жора и обнял на прощание девочку. Вася тоже плакал, но старался скрыть слёзы и от сестры, чтобы не расстраивалась, и от друга, чтобы тот на него не ругался.

Наступил январь 1944 года. Из репродуктора зазвучала музыка, и жители города узнали о снятии блокады. Советские войска неоднократно пытались прорвать кольцо блокады, но им никак не удавалось это сделать. Лишь в феврале 1943 года наша армия освободила небольшой коридор, по которому стали доставлять продукты в осаждённый город. И вот настал тот день, когда блокада была полностью снята. Измождённые люди радовались победе.

Старик сидел и смотрел на волны, со слезами вспоминая прошлое.

– Дедушка, у вас всё в порядке? – окликнул его молодой человек.

– У него все просто отлично, – ответил за него старческий голос.

Василий Семёнович оглянулся. По ступенькам спускался худощавый хорошо одетый старик. В руках он держал кожаный плащ, на голове – фетровая шляпа.

– Жорка! Ну где вы ходите? – с нескрываемой радостью в голосе спросил Василий.

– Это ты где бродишь, доходяга? – улыбаясь, ответил вопросом на вопрос Георгий.

– А где Маруся? – забеспокоился Василий Семёнович.

– Вася! – послышалось откуда-то сверху.

Старик поднял голову и увидел у парапета пожилую женщину в светлом пальто. Из-под шляпки кокетливо выбивались седые кудряшки. В руках у неё были два портрета – Семёна Гавриловича и Анны Михайловны Кеженовых.

Из репродуктора звучало: «Этот день Победы...». Старики шли по Невскому проспекту в строю людей с такими же портретами. Они вспоминали блокадные годы, погибших от голода, бомб и пуль. Всё осталось в далёком прошлом, но память будет жить, пока живы свидетели истории. Пока жив город на Неве с его взлетающими к поднебесью домами, опускающимся до глубин Земли метро, гранитными набережными и вздымающимися над водой мостами.